

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА

к Н. А. и К. А. Полевым,

ПИСАННЫЕ В 1831-1837 ГОДАХ.

Оригинал здесь -- http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Bestuzev_A_A/briefe2.htm

ПРЕДИСЛОВИЕ.

К числу приятнейших эпизодов моей жизни принадлежит заочное сближение, перешедшее наконец в истинную дружбу, с Александром Александровичем Бестужевым!.. Его необыкновенная судьба и не менее необыкновенное дарование. как писателя, делают его лицом чрезвычайно любопытным, столько же для современников, сколько для потомства, и потому я почитаю счастьем, что могу познакомить русскую публику с последними годами жизни этого достопамятного человека, изданием писем его, писанных к брату моему Николаю Алексеевичу и ко мне, с 1831-го года почти по день его смерти.

Прежде нежели объясню, как началась наша переписка, я должен сказать, в каких отношениях находились мы с ним до 1831 года. Брат мой очень близко познакомился с Александром Бестужевым в 1823 и 1824 годах. Во время частых своих поездок в Петербург, он бывал у него, проводил вечера в обществе его и близких его друзей, и был всегда радушно встречаем в этом образованном кружке. Не только сам Бестужев, но и друзья его, оказывали ему приязнь и уважение. В доказательство упомяну, что товарищ Бестужева по изданию *Полярной Звезды*, проезжая через Москву в декабре 1824 года, каждодневно бывал у Николая Алексеевича, и расстался с ним как искренний приятель. Тем удивительнее было нам, когда Бестужев, в обозрении *Русской Литературы*, напечатанном в *Полярной Звезде* 1825 года (вышедшей в конце марта), отозвался насмешливо и неуважительно о *Московском Телеграфе*, с явным желанием кольнуть издателя. Мы приписывали такую перемену в мнении Бестужева, во-первых тому, что он вообще принадлежал к литературной партии, открывшей войну против Телеграфа, и во-вторых, что в последних книжках журнала *Литературные Листки* за 1824 год было напечатано мое возражение на разбор Бауринговых переводов с русского, там же напечатанный Бестужевым. Летом 1825 года Бестужев был в Москве, жил у С. Д. Нечаева, и заезжал к нам. Тут я в первый раз видел его. В разговоре как-то речь коснулась наших литературных несогласий, и Бестужев, говоря о моей статье, сказал, что не должно писать возражений так, чтобы их нельзя было опровергать в свою очередь, разумея конечно мою защиту влияния, какое имели немцы на образованность Русских. Он отвергал это влияние. Мы с братом отплатили ему визит, но в этот раз пробыли у него не долго, потому что он спешил в итальянскую оперу, существовавшую тогда в Москве. Тем и кончились наши личные сношения.

Через несколько месяцев ужасное несчастье поразило Бестужева. Душевно скорбя о нем, мы даже не знали, где он находился до 1831 года. Между тем *Московский Телеграф* существовал уже шесть лет, и были изданы первые тома *Истории Русского Народа*. В это-то время Н. А. получил по почте первое письмо от Бестужева из Дербента. К величайшему моему сожалению, именно это письмо, которое могло бы служить ключом ко всем следующим, затерялось, и я должен изложить здесь главное содержание его, очень памятное мне. Бестужев начинал, его, говоря, что почитал бы себя недостойным имени Русского, если бы не отдавал справедливости издателю *Московского Телеграфа*, распространяющего так много новых светлых и полезных идей и сведений, и не сочувствовал автору *Истории Русского Народа*, первой попытки создать истинную русскую историю. Распространившись по своему о достоинстве трудов и сочинений Ник. Ал-ча, Бестужев прибавлял, что похвалы его беспристрастны, потому что он, в своем положении, "непораним" (именно его выражение) для критики, и его мнение не есть корыстное задобривание журналиста в пользу своих сочинений. Примите выражение его как долг с моей стороны, говорил он, тем более обязательный, что по последним литературным сношениям вы могли почитать меня неприязненным к себе. Будьте же уверены в моем искреннем уважении к вам и утешьте в ответе, что я так же не потерял вашего уважения и сочувствия. В заключение он вызывался прислать несколько своих сочинений для напечатания в *Телеграфе* и упоминал, что писать к нему можно прямо, в Дербент, на его имя.

Брат мой был чрезвычайно обрадован этим письмом и выразил Бестужеву всю благодарность и все сочувствие свое в ответе на его благородный привет. Следовавшее за тем второе письмо Бестужева к Н. А. открывает ряд писем его, ныне издаваемых мною. Они хранились у меня, и во все время я отдавал их для прочтения только сестре Александра Александровича, Елене Александровне, и брату его Павлу, когда он